

- Танита, ты там еще долго? - крикнул мужчина, смотря в ближайшие заросли.

Он стоял по пояс в пшеничном поле, с коротенькой косой на плече, в простой самотканой рубаше. Его лицо покрывала очень длинная и спутанная борода.

- Почти все, - послышался натужный женский голос.

Мужчина, не тратя времени, продолжил покос, и пятеро детей не отставали от него. Через секунду идиллию шелестящего поля и щебетания птиц в лесу, разорвал громкий детский крик. Мужчина опять вырос над пшеницей и крикнул.

- Все в порядке?

- Да, не переживай, сейчас спеленаю и присоединюсь к вам.

Женщина обтерла и запеленала кричащего ребенка, он лежал укутанный в достаточно грязную тряпку, из которой женщина сделала подобие гамака. Она пропустила тряпку через плечо, и закинула ребенка, как сумку, себе за спину. Через пятнадцать минут после родов, она продолжала таскать скошенную пшеницу для того, чтобы не умереть зимой от голода.

Мальчик, родившийся в бедной крестьянской семье, ничем не отличался от любого другого младенца: он ел, спал, гадил и орал. Но были периоды, когда он вел себя немного странно. Первый такой случай произошел через месяц после рождения, на сенокосе. Младенца оставили с четырехлетним братом, недалеко от поля, где работала семья.

В этот момент, Саннэс впервые пришел в себя после перерождения, его разум из небытия вырвал невероятно едкий запах чеснока.

«Я что в университетском общежитии, и мне опять намазали пятки чесноком?» - сквозь сильную сонливость, подумал он.

В следующее мгновение, кто-то, хихикая, ткнул его пальцем в лицо. С трудом преодолевая дремоту, он приоткрыл глаза, готовясь увидеть своего соседа по университетскому общежитию. В глаза ударил яркий свет, и ему пришлось зажмуриться. Через силу Саннэс попытался открыть глаза, но каждый раз свет был слишком ярким, и веки закрывались. А некто не успокаивался, и продолжал тыкать в него пальцем. Окончательно справившись с резью в глазах, он увидел перед собой пацана лет трех-четырёх, который нависал над ним. Как только младенец открыл глаза, мальчик засмеялся и окатил Саннэса очередной волной едкого чесночного запаха. Саннэс терпеть не мог детей из-за того, что они тупые, шумные, капризные, странно пахнут и всегда невероятно грязные. Этот же пацан был самым худшим представителем этой братии, он выглядел так, будто только что нырял с головой в самую грязную лужу на планете. На верхней губе и щеке у него были размазаны сопли, которые ручьем текли из носа. Пацан, радуясь тому, что младенец проснулся, начал с новой силой щупать его за лицо.

- Не смей! Ты - мелкий, маленький, грязный комок плоти! - закричал Саннэс, но из его рта доносился только детский плач.

Он выпучил глаза от удивления. - Что это за бабуйня! - он попытался пошевелиться, но был связан по рукам и ногам. - «Я в плену? У меня отняли голос? И меня пытаются самым антисанитарным пацаном на свете!» - в панике думал он.

Он опять попытался закричать. - Уберите его от меня!! Я сдаюсь! Я расскажу вам всё, что вы

хотите знать! – но голоса так и не было, только младенческие крики.

Крики младенца, видимо только забавляли сопливого пацана, он, смеясь, начал нарезать круги вокруг Саннэса, из-за чего ручьи из носа усилили свой напор. Пацан сделал то, что делал всю свою короткую жизнь, он размазал две склизкие дорожки голой рукой по щеке. После увиденного Саннэса начали сотрясать хорошо знакомые конвульсии, но это был не конец, пацан решил этой же рукой потрепать младенца по щеке. Крики Саннэса перешли в ультразвук, он смотрел на медленно тянущуюся к нему руку, как на заведенную бензопилу, готовую превратить его тело в фарш. Усилия, прикладываемые им для того, чтобы увернуться от липкой руки, были поистине титаническими, он выглядел, как маленький Сильвестр Сталлоне с его торчащей от натуги губой. Но пеленки были сильнее, и в тот момент Саннэс потерпел сокрушительное поражение в неравной борьбе с ужасным склизким монстром. Он отчаянно боролся за свою жизнь, но когда рука коснулась его, он провалился во тьму!

Он приходил в себя с завидной регулярностью, хотя этого и не желал. Каждое воспоминание из того периода жизни, было чрезвычайно травмирующим для законченного Мизофоба (навязчивый страх загрязнения, либо заражения, стремление избежать соприкосновения с окружающими предметами. Человека, который испытывает подобный страх, называют мизофобом.)

Окончательно пробудился Саннэс к пяти годам, видимо, мозг достаточно окреп для того, чтобы вместить и удерживать взрослую личность. Домочадцы, уже привыкшие, что их младшенький выкидывает странные номера и ведет себя иногда неадекватно, воспринимали это спокойно. Хотя, насколько потом понял Боргаф, так его называли, они все воспринимали спокойно. Тяжелый и рабский труд на земле хозяина, с грабительскими налогами в девяносто процентов, вытравили любой интерес и любознательность из его новой семьи. Они просыпались с рассветом, уходили в поля и возвращались поздним вечером, оставляя самого младшего присматривать за домом. Боргаф, живший в двадцать первом веке, практически на самом верху социальной лестницы, тяжело воспринимал жизнь в таких условиях. Уличный туалет он воспринимал, как самого главного своего врага, конечно, после сопливого брата. Он с ужасом осознавал, когда ему стукнет семь, его отправят работать в поле, и все, что его ждет в этой жизни, это работа от заката до рассвета.

В один из дней, Боргаф увидел, как мать с отцом о чем-то спорят, подойдя поближе, он услышал.

- А я сказал достаточно большой! – рыкнул он и несильно вlepил матери по щам. – Не смей со мной спорить, женщина! – он нависал над ней, как огромный бородатый медведь.

Мать, стусевавшись, пошла в дом, а отец, развернулся и сразу же наткнулся взглядом на раззявившего рот Боргафа. Он никогда не видел, чтобы мужчина бил женщину, а тем более свою жену. Отец направился в его сторону, тот заметался, но бежать было уже поздно.

Подойдя, он сказал. – Бери вилы, иди, убирай, – он сначала ткнул на вилы, потом на сарай.

Боргаф посмотрел на свинарник, который находился в двадцати метрах отсюда, но запах добивал и сюда.

Он как можно вежливее ответил. – Послушайте, милостивый сэр, – сказал, смотря снизу вверх на отца, уставившегося на него бараньим взглядом, – может быть лучше делегировать эту работу тому, кто для нее подойдет лучше? Я физик и мое оружие это - интеллект, – он постучал пальцем по голове, – я презираю физический труд, тем более, связанный с фекалиями! Как

насчет того, чтобы использовать мой интеллект по назначению? – говорил со снисходительной улыбкой, – Я могу рассказать вам практически все! Все! – он подчеркнул свои слова задранным пальцем вверх, – Что бы вы хотели знать? – Боргаф говорил с ним так, как тысячу раз до этого в своей прошлой жизни, говорил с другими людьми, немного свысока и толикой снисхождения.

Оплеуха, прилетевшая Боргафу в ухо, отправила того в полет.

- Бери вилы, иди, убирай, – с тем же выражением лица и той же интонацией сказал отец, как будто вообще не слышал сына.

- Этот говнюк в вельветовом пиджаке! – выбегая из свинарника, кричал Боргаф, уливаясь слезами. – Когда он сказал, что я перерожусь в средневековье, то забыл упомянуть такой незначительный факт, что мне придется ковыряться в свинячем дерьме, – очередной спазм. – Почему, в книжках все перерождаются прекрасными принцами на белом коне, а я в нищей крестьянской семье убираю говно за свиньями. Ну почему!?! Где моя несравненная магическая сила? – обращался он к небесам, запрокинув голову. – Где мои приключения и прекрасные принцессы, которых нужно спасать из лап дракона, или еще кого-нибудь? – возле сарая стоял, уливаясь слезами, самый несчастный мальчик на планете.

После первой же уборки в хлеву, он твёрдо решил создать себе доспехи. Через неделю Боргаф был закутан с ног до головы, на лице был респиратор, собранный из подручных средств, на руках были пропарафиненные перчатки. Самым сложным оказалось даже не изготовление, а скрытие подобных изобретений от семьи. Как-то раз, «сопливый» как прозвал брата Борг, вернулся с поля раньше всех остальных и обнаружил в доме неведомое «чудовище», укутанное в странные доспехи. Борг предполагал, что он как нормальный девятилетний ребенок, разревется и побежит звать отца на помощь. И у него будет время спрятать костюм, притворившись, что сопливному все привиделось. Но, он превзошел все ожидания Борга, с криками – Что ты сделал с мальцом!!! – он ломанулся на замершую небольшую фигуру, стоявшую посреди комнаты. Повалив того на пол, он начал мутузить неведомого монстра до тех пор, пока маска не свалилась с лица.

- О, малец, это ты чоли? – с глупой улыбкой спросил у побитого Борга.

После этого он с шипением сквозь зубы протирал синяки под глазами со смешанными чувствами. С одной стороны, этот сопливый кретин отмузил его так, как в его школьную пору не били даже хулиганы. Но, с другой стороны, он кинулся на «монстра», пытаясь отомстить за него. Никто и никогда за него не заступался, а тем более, не бросался на «монстра» с голыми руками в девять лет. В прошлой жизни у него не было ни сестер, ни братьев, и ему достаточно часто перепадало в школе, учитывая то, что в одиннадцать лет, он уже учился в одиннадцатом классе.

После этого казуса его жизнь превратилась в сплошную рутину: подъем с рассветом, отбой с закатом, в промежутках между пробуждением и сном – бесконечная каторжная работа без просвета.

- Неужели, так и будет проходить моя жизнь? – жаловался он после уборки в хлеву, сидя на заднем дворе.

В этот момент, он услышал, что кто-то открыл калитку и вернулся домой. Боргаф спешно сорвал с себя доспехи, его тело еще помнило побои «соплого», ему бы не хотелось получить люлей от отца или старших братьев.

- Есть кто дома? – стук в парадную дверь.

Насколько помнил Боргаф, к ним еще ни разу никто не приходил. Он сорвался с места с пробуксовкой для того, чтобы увидеть, наконец, кого-нибудь нового, а то семейство ему уже опостылело. Они жили в нескольких километрах от небольшого городка, и Боргаф еще ни разу не видел посторонних людей. К нему уже стали закрадываться параноидальные мысли о том, что они одни живут на этой планете.

- Есть кто живой? – Боргаф как раз подходил к двери.

Отворив ее, он увидел старика в черном балахоне, у него на груди красовался золотой круг.

- Да осияет тебя свет Бога нашего Ра – старик сделал пасс рукой, нарисовав ей в воздухе круг.

Старик уставился на Борга, видимо ожидая от него чего-то.

- И вам не хворать, – сказал первое, что пришло в голову.

Старик нахмурился. – Дитя, тебя родители не учили, как нужно отвечать на благословение святого отца?

- Вы знаете, они мне что-то говорили, но я атеист и ... – и тут до него дошло, что он уже не может быть атеистом, в свете того, что Бога, собственно, он встречал лично.

- Ты кто дитя? – не понял старик.

- А не важно, святой отец, прошу вас, проходите, – он широко отворил дверь, запуская старика.

- «Какой воспитанный маленький мальчик». – подумал священник, проходя в дом.

- Никого дома больше нет? – осмотрев бедную обстановку, спросил старик.

- Нет, святой отец, все в поле, меня оставили на хозяйстве.

- Очень похвально, что ты трудишься в столь юном возрасте! – старик благодушно потрепал мальчика по голове.

Боргаф, нахмурившись, отшатнулся от старика с взъерошенными волосами, он ненавидел, когда люди прикасались к нему, тем более посторонние.

- Святой отец, прошу вас, давайте обойдемся без рук, – приглаживая волосы, сказал с достоинством Боргаф.

Святой отец засмеялся.

- Как тебя зовут дитя? – его очень позабавил высокомерный тон мальчика.

- Боргаф, сэ, – все тоже достоинство.

- Кто тебя обучал так разговаривать и вести себя? – этот пятилетка, производил впечатление высокомерного сорокалетнего вельможи. А выглядел маленьким крестьянским мальчиком, в порванных штанах и рубашке, кем и являлся.

- Никто, я таким родился, – немного стушевался, памятуя, что он сейчас мал и родился в крестьянской семье, а крестьянские дети себя так не ведут. – Так что вас привело в нашу скромную обитель? – сказал Боргаф для того, чтобы перевести разговор в другое русло. Но,

осознав, что говорит опять странно, он чуть не прикусил себе язык.

Старик с удивлением рассматривал мальчика, не веря в то, что столь изысканная речь выходит изо рта этого мальчишки. – Я пришел предупредить твоих родителей о том, что через неделю они должны привезти всех своих детей от пяти и до двенадцати лет в церковь.

- Позво... – он всё-таки прикусил себе язык, злясь на самого себя, и сказал, - А чё там будет? – он попытался говорить, как можно более простонародно.

Старик улыбнулся, заметив этот неумелый переход от пацана, но говорить ничего не стал. – Приедет проверочная комиссия.

- Что за комиссия?

- Будут проверять детей на магические, физические и умственные способности. – старик аж немного отодвинулся от мальчика, когда увидел, как тот на него смотрит.

Глаза Борга горели адским пламенем, которое складывалось в слово «ШАНС».

- «Это мой шанс вырваться из свинарника!»

- Во сколько это произойдет? Как проверяют на умственные и магические способности? Как награждают отличившегося перед комиссией, – у него не было никаких сомнений в том, что он отличится на умственном тесте. – Кто состоит в комиссии? – он продолжал осыпать старика вопросами.

Старик вскинул руки. – Тише, тише, парень, – он хохотнул, впервые видя ребенка, который так рьяно хочет проходить тесты, – твой энтузиазм меня сейчас сметет. Ты все узнаешь через неделю, в полдень. Ты не один, и мне нужно еще обойти не один дом. – Борг походил на щеночка, у которого забрали любимое лакомство из-под носа.

Распрощавшись со священником, Борг стал с нетерпением ждать вечера, чтобы все рассказать своей семье.

(От автора: Буду вам очень признателен, если вы нажмёте спасибо в конце главы и прочитав произведение, поставите ему лак с оценкой!)

<http://tl.rulate.ru/book/38395/825219>